

ВЛАДИМИР АБРАМОВ

Футбол
ДЕНЬГИ
И ТЕ, КТО РЯДОМ

Владимир Николаевич Абрамов

Футбол, деньги и те, кто рядом

Серия «Звезда футбола»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33861758
Футбол, деньги и те, кто рядом: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-108252-9

Аннотация

Громкие трансферы звезд нашего футбола – Дасаева, Заварова, Родионова, Черенкова, Блохина, Кирьякова, Бубнова, Тишкова, Шмарова, Шавло, Сарычева и многих других незаурядных футболистов, а также работа Бескова, Бышовца, Лобановского, Непомнящего, Бердыева, Сёмина, Слуцкого, Черчесова и, конечно, Сарсания являются темой увлекательных рассказов и эссе, написанных рукой известного футбольного агента. Эта книга служит во многом ответом автора на просьбы любителей спорта написать о том, как на самом деле вершился процесс трансформации советского любительского футбола в российский профессиональный, со всеми достоинствами и недостатками, характерными для развития спорта в рамках капитализма, где большие деньги и управление их потоками являются главными рычагами для достижения результатов.

Содержание

В нежном объятии Газпрома	5
Сколько он все-таки стоит, тренер сборной?	69
Конец ознакомительного фрагмента.	75

Владимир Абрамов

Футбол, деньги

и те, кто рядом

© Абрамов В.

© ООО «Издательство АСТ»

* * *

*Памяти Константина Сергеевича Сарсания,
лучшего российского футбольного менеджера и
агента РФС, а также тренера и советского
футболиста посвящаю...*

*«Деньги тем всего подлее и ненавистнее, что
они даже таланты дают. И будут давать до
скончания мира»*

Ф. М. Достоевский «Идиот»

В нежном объятии Газпрома

«Чтобы купить хорошего футболиста за большие деньги мозгов много не надо. Как купить игрока или тренера, нисколько не переплачивая? В этом и состоит задача агента.»

Из интервью Константина Сарсания газете «Спорт-Экспресс» от 13.04.2017 г.

В конце мая 17-го года, когда до наступления календарного лета оставалось каких-то несколько дней, а теплый воздух с Атлантики застрял где-то на полпути, в нашем городе было так же серо и холодно, как, наверное, тогда, в Петрограде в ноябре ровно сто лет назад. К тому же длинные ряды черных липовых деревьев, привезенных зимой из Германии и заботливо высаженных вдоль центральных улиц Москвы, казалось, так и не собирались просыпаться, нарушая торжественное обещание, данное мэром горожанам превратить центр столицы в цветущий сад.

«Где ты, май-весельчак? Где ты, май-чародей?», удивленно округляли глаза да громко каркали недовольные вороны, карабкаясь по крашеным решеткам городских помоек.

Тот воскресный вечер ничем не отличался от предыдущих, таких же скучных и по-осеннему мерзких. Манящие огни отеля класса «люкс» с завораживающим видом на кремлевские звезды, что приветливо распахивал двери респек-

табельному гостю в самом начале Тверской, тонули в серой массе низких облаков. Плотная череда роскошных лимузинов, припаркованных вдоль фасада современного дворца, в этот поздний час уже не служила препятствием для пешеходов почти опустевшей улицы. Там, за дверью, среди холодной каменной роскоши в теплом уюте лобби-бара, звучала нежная и до боли знакомая песня. Четкая фразировка и широкий диапазон голоса демонстрировали высокое мастерство исполнительницы. Эротический шелест внятно произносимых английских слов располагал к душевному покою.

«Please do it,
let's just do it,
let's fall in love» –

разносился по залу зазывный голос, переходящий в шепот, словно певица желала заставить всех внимать ее требовательному призыву. Несколько мужчин седовласых и не очень в дорогих деловых костюмах и элегантной обуви сидели за круглым столом вдали от стойки бара и тихо беседовали, не перебивая друг друга. Время от времени они поднимали головы и, позвякивая чайными ложечками по тонким стенкам фарфоровых чашек, невольно устремляли взгляд на плазменный экран, в углу которого ежеминутно, словно счетчик, появлялись цифры с ценами за бочку сырой нефти да мельтешили валютные курсы ЦБ.

Они не слушали, о чем пела блюз певица, поскольку раз-

говор касался денег, точнее, не просто денег, а очень больших денег... Итальянский гость с глазами смиренного святоши не произносил ни слова, он только слушал, как президент «Зенита» вещал о проблемах клуба, не углубляясь в детали. На худощавом и небритом лице Сергея Фурсенко в эту минуту не сияла гостеприимная улыбка, — он был по-деловому сосредоточен, словно боялся упустить важный довод в своих суждениях, и лишь глаза выражали какое-то беспокойство. Константин Сарсания казался более безмятежным, особенно когда пробовал переходить с английского на итальянский, отчего на его слегка полноватых губах все время играла добродушная улыбка. Наконец собеседники поднялись с кресел. Константин Сергеевич застегнул свой узковатый для его мощной фигуры пиджак и, поджав губы, медленно провел ладонью по животу, будто разглаживал образовавшиеся складки, и игриво подмигнул молоденькой официантке, которая подошла, чтобы убрать со стола посуду. Утомленные долгим разговором, именитые функционеры клуба пожали руку Роберто Манчини, по лицу которого так и нельзя было определить, доволен ли он предварительной встречей, и насколько озвученные цифры соответствовали его ожиданиям. Утром в понедельник, 29 мая, темный лимузин, отъехав от отеля, свернул с Тверской на Охотный ряд и взял курс на Намёткина, в район Черёмушек.

Бог мой, каждый раз, когда мне приходится бывать в тех краях, по моему мнению, не самых приметных в городе, я

не могу сдерживать улыбку. Возможно, это оттого, что именно здесь, на Намёткина, прошли мои отрочество и юность. Правда, тогда эта улица вместе с Каховкой называлась Большой Зюзинской, и по ней до метро «Новые Черемушки» курсировал 156 – ой автобус. Почему-то всегда вспоминается один забавный случай, приключившийся со мной в далеком 69-м году. Тогда, в конце мая, наша учительница с радостью в голосе сообщила нам, что в следующий, восьмой класс, мы все пойдем в другую, только что отстроенную рядом с нашей, 658-ю школу с большим спортзалом на втором этаже, из широких окон которого открывался вид на такой же новенький, и уже работающий кинотеатр «Одесса». В тот жаркий последний учебный день мая в кинотеатре демонстрировался голливудский фильм «Чемпион» с Кирком Дугласом в главной роли. Все наши ребята и я с ними тоже помчались к кассам, чтобы успеть на дневной сеанс по 25 копеек за билет. Имя Дугласа было тогда у нас на устах, потому что он сыграл роль Спартака в нашумевшем у нас в стране фильме. Теперь перед нашим взором он предстал в образе профессионального боксера, который ежедневно менял модные костюмы, разъезжал на дорогих авто и любил красивых женщин. А Мэрилин Максвелл, яркая платиновая блондинка удивительной красоты с повадками агрессивной акулы давала понять, что ее прелести стоят очень дорого и по карману была только знаменитым спортсменам или их так называемым менеджерам, которые курили дорогие сигары, сидя в крес-

лах, и пили маленькими глотками напитки из бутылок с красивыми этикетками. Это неведомое слово «менеджер» мы впервые услышали оттуда, из этого самого фильма. Но Колька Воробьев, мой закадычный друг, знал всегда чуть больше, чем все остальные. Он-то и поведал нам, что менеджер это все равно, что спортивный агент, тот, кто всегда остается в тени, но именно он часто и определяет правила игры на рынке. Дело было в том, что Колькин брат закончил институт Мориса Тореза и уже стал работать переводчиком в «Интуристе». Он-то и объяснил моему другу, что купить все это: красивые машины, модную одежду, напитки и т. д. на наши рубли было нельзя, а осуществить мечты давали возможность только доллары или другая валюта. Но как стать спортивным менеджером, не знал в ту пору никто, даже он. А вот операции с долларами и другой иностранной валютой у нас в стране могли официально вести только сотрудники ВТБ, и устроиться туда работать можно было, лишь закончив финансовый институт, а именно факультет МЭО. Мне вдруг очень захотелось туда поступить, но мои друзья только смеялись над моей наивной мечтой. В нашей стране действительно были некоторые проблемы, и далеко не все можно было купить на рубли, но что-то все-таки можно было, чтобы стать хоть чуть-чуть похожим на Кирка Дугласа.

Нас было четверо, плюс Наташка Терехина. Она в нашем классе почему-то предпочитала водиться больше с мальчишками, сама неплохо играла в футбол, и в свои 13 лет уже бы-

ла дылдой, повыше всех нас. Нашего объединенного капитала, увы, было меньше пяти рублей. Зато Натаха с ее способностями перевоплощаться уже смогла легко, как взрослые, купить в магазине все, что было тогда нам, школьникам, запрещено: оригинальную по форме бутылку виски «Клуб – 99» непонятного происхождения, да длинную и толстую, настоящую, без подделки, гаванскую сигару в алюминиевом футляре за 55 копеек точь-в-точь, как у того менеджера из фильма «Чемпион». Счастливые, мы все запрыгнули в автобус и, проехав совсем чуть-чуть, вышли на остановке с красивым названием «Херсонская». Собственно, это был глубокий овраг, где на самом дне протекал вонючий ручей, да квакали лягушки. Там редко можно было кого-либо встретить, и потому именно там мы решили спокойно отметить переход в восьмой класс, не опасаясь за последствия. Там, в зарослях репейника и горькой на вкус полыни, мы культурно расселись по кочкам. Этот виски оказался отвратительным на вкус и наконец стало ясно, почему его никто не пил у нас в стране, а сигара, которую с трудом пробовал раскурить Колька, была горькой и вонючей. В конце концов, мой друг, знаток «Дымка» и «Явы», бросил эту дурацкую затею и, переломив толстую сигару пополам, выбросил ее в грязный с синевой ручей. Пить виски мы больше не захотели, и Наташка демонстративно вылила почти всю бутылку себе под ноги. Потраченных денег было, конечно, жалко, ведь мы могли купить колбасы и газировки, но тогда было бы как-то буднично

и совсем не интересно. А так мы вылезли из глубокой ямы и отправились гонять в футбол на край оврага, туда, где на глинистой лужайке на самом углу Херсонской стояли грубо сколоченные из старых бревен неказистые ворота без сетки.

Глубокий и длиннющий овраг не сразу и давно засыпали, и теперь на этом самом месте большими синими окнами сияет центральный офис «Газпрома», к воротам которого и подъехал тот самый «Мерседес» с Тверской. Алексей Борисович встречал Роберто в своем большом кабинете, украшенном по случаю приезда тренера атрибутами зенитовской славы. Эта встреча, в преддверии подписания контракта в Петербурге, служила некоей финансовой гарантией руководства концерна не столько по обязательствам личного контракта недешевого тренера, сколько тех больших платежей, которые, как казалось, стоило только произвести, чтобы сразу, в один миг, команда преобразилась почти до неузнаваемости. Большая сумма личного контракта Манчини в прессе и на телевидении долго, как раньше, не муссировалась, – какая разница, четыре, пять или шесть миллионов, – народ привык к посильным тратам толстосума в лице мирового гиганта. Да и не было это заоблачным рекордом – история российского футбола уже знавала гораздо более высокие суммы тренерских контрактов. Всех интересовало другое: кого приведет с собой этот менеджер, именно так его именовали в Англии, когда он работал с «Манчестер Сити» и характерной чертой его деятельности являлась покупка для команды

все новых и новых недешевых звезд и его способность добиваться с ними высоких результатов. Этот тренер «Зениту» нужен был, как воздух, потому что амбиции тренера можно было сравнить лишь с амбициями самого концерна «Газпром», который, по словам буржуазной прессы, был готов поднять под себя в том числе и всю Западную Европу.

Так уж, видимо, сошлось, что мое знакомство с «Зенитом», в том числе и тесное сотрудничество с этим клубом, состоялось именно тогда, когда в начале 2006 года владелец и одновременно председатель совета директоров этого популярного клуба удачно продал его структурам Газпрома.

Однако, если быть предельно точным, то знакомство это произошло несколько раньше, когда моему доброму другу и коллеге по бизнесу Константину Сергеевичу Сарсания пришлось в голову познакомить меня, заместителя директора фирмы в ОАО «Совинтерспорт», с Давидом Трактovenко, с которым, как оказалось, у Константина давно сложились теплые, как деловые, так и личные, отношения.

– А кто это такой? – спросил я Костю, пожимая в нерешительности плечами, стараясь вспомнить эту фамилию.

– Володя, ну ты даешь! – воскликнул Костя, обильно потея в тот жаркий московский день, стоя на солнцепёке у входа в особняк, где располагался наш офис. – Между прочим, это крупная величина в финансовом бизнесе Петербурга. Они с Коганом вместе. Тебе-то не знать! Ты же работал с Чемезовым и Путина, когда он был вице-мэром, встречал в

стенах вашего особняка.

Я старался красноречиво молчать, чтобы окончательно не прослыть в глазах Константина полным невеждой. Тем не менее, Костя продолжал смотреть на меня с недоверием и, сделав многозначительную паузу, произнес:

– Ты же сам закончил финансовый институт, успел поработать в ВТБ, пять лет в Ливии прожил-работал по линии Газпрома! Ты обязан знать таких людей!

Его слова звучали упреком. Я хотел оправдаться.

– Послушай, когда я работал в Ливии на строительстве газопровода Брега-Миссурата по линии МВТ, таких организаций, как Газпром, еще и в помине не было. Был «Союззагрангаз».

Я бросил взгляд на Костю и спросил:

– А что, этот Трактовенко тоже работал за границей по линии «Союззагрангаза»?

– Да иди ты к черту со своими расспросами, – возмутился Константин. – Нигде он за границей не работал. Только в Афганистане служил офицером после окончания финансово-экономического института. Ты ведь тоже, по-моему, служил в тех краях?

– Нет, – ответил я, – мой младший брат там служил, а я только на границе с Афганистаном служил офицером, – два года занимался отправкой наших раненых и отвечал за «Груз-200». Но это было-то когда? Еще в 81-м году!

– Ну вот, – Костя развел в стороны свои мощные руки. –

И он в то самое время, по-моему, там был. Я забыл, ты с какого года?

– С 56-го.

– И он тоже с 56-го! – почему-то обрадовано воскликнул Костя. – Вот, видишь, вы ровесники, одну специальность осваивали и в армии в одном должно быть округе служили, только он из Питера, а ты из Москвы.

– Ну ладно, – сказал я, – пусть так, а о чем, собственно, речь?

– Дело в том, что он владелец клуба «Зенит», хочет купить опорного полузащитника, молодого и опытного, желательно, игрока сборной, но, чтобы было не дорого.

– Понятно, что не дорого, – с иронией заметил я. – в противном случае, ты бы к другим обратился.

– Ладно тебе, прекращай, – буркнул Костя недовольно.

– Желание его понятно, да где же такого найдешь, – сказал я, глядя Косте в его большие, по – женски выразительные глаза с длинными ресницами. – Я уже слышал, что «Зениту» Райана Гиггза подавай или, еще круче, Руд Ван Нистелроя.

После моих слов Константин Сарсания широко улыбнулся.

– У «Зенита» денег на них нет, да и к Петржеле, которого взяли с моей помощью, они не поедут. Тут нужен другой тренер. Это все больше благие пожелания болельщиков. Гиггзу тридцать третий пошел, он еще «попылит» года три-четыре, но точно не у нас в клубе, а про Ван Нистелроя даже гово-

ритель не хочу, не по Сеньке шапка, и неважно, что он был долго травмирован и скоро ему тридцать. Давай рассуждать реально.

– Согласен, – сказал я, вздохнув не без сожаления.

– Ты сам как считаешь, – спросил Сарсания, – в Корее можно попробовать поискать? Давид дал добро. Ему эта идея показалась интересной. Давай, сейчас прямо позвони своим агентам, пусть пошустрят, может, кто на примете есть.

Мы поднялись в мой кабинет, и я набрал номер в Сеуле. Там был уже вечер, но рабочий день, к счастью, еще не закончился.

Чой Хо Кью – так звали известного южнокорейского футбольного агента, который успешно продвигал на азиатском рынке российских и украинских футболистов. Он взял трубку и со смехом спросил меня:

– У вас что, в России деньги на футболистов появились?

Я не отреагировал на ироничный тон и серьезно ответил:

– Главное – у нас в стране наконец появился хозяин клуба, который выразил желание иметь у себя в команде хорошего корейского футболиста, а конкретно – центрального полузащитника.

Чой немного подумал и сказал, что сам перезвонит мне через пару минут. Он действительно перезвонил так быстро, что мы с Константином даже не успели выпить по чашке кофе. Корейский агент возбужденным голосом сообщил, что у них на примете есть один игрок, ему полных 25 лет, он иг-

рок сборной и даже успел сыграть за нее 15 игр, и, – добавил он торжествующе, – этого футболиста в сборную привел сам Гус Хиддинк, правда, в основу тот попадал далеко не всегда, потому что был еще молодым, – добавил он в заключение.

У Константина засветились глаза.

– Спроси, а сколько стоит? – Нетерпеливо твердил, стоя рядом со мной, селекционер «Зенита».

Я задал вопрос о цене.

Чой, не долго думая, сказал, что если повезет, можно за полмиллиона долларов купить со всеми правами.

Я озвучил ответ, хотя чувствовал, как Костя дышал у моего уха, прислонив лицо к трубке.

– Это хорошо, – одобрительно закивал головой он и взволнованно выпалил: – А за триста пятьдесят, спроси, не отдадут?

Я снова прильнул к трубке.

– Чой говорит, что надо на месте попытаться, но, возможно, придется основательно поторговаться.

Не теряя времени, Константин позвонил в Петербург Трактovenko.

– Давид Исаакович, есть в Корее хорошая кандидатура, думаю, как раз то, что вы хотите, но надо лететь и смотреть на месте.

– Лети, – распорядился Трактovenko. – Да и прихвати с собой нашего селекционера Сашу Бокия. У него хороший экспертный глаз.

Неделя ушла на оформление приглашения и визы в Корею, а тем временем Константин повез меня знакомиться с Трактовенко в Петербург. Давид Исаакович принял нас в своем банке. В его уютном кабинете нас ждали Черкасов и Бокий. Трактовенко объяснил, почему он хотел взять именно корейского футболиста, и подтвердил, что на его покупку у клуба найдутся средства, но далеко не значительные. Максимум, на что можно рассчитывать, так это триста пятьдесят тысяч, о чем раньше и говорил Костя. Это при том, что по личному контракту футболиста расходы были более, чем скромные: не более десяти тысяч долларов в месяц.

— А подъемные при подписании хотя бы тысяч тридцать дадите? — осмелился спросить я, для убедительности добавив: — Так называемый «signing bonus», общепринятая практика.

— Подумаем, — ответил Давид. — Возможно, тысяч двадцать в качестве пособия на первоначальное обзаведение можно дать, — добавил он, пользуясь известной мне терминологией военного финансиста.

Президент петербургского клуба тогда произвел на меня очень благоприятное впечатление открытого, делового и ответственного человека. Его лицо мне действительно показалось знакомым. Я даже осторожно поинтересовался, не кажется ли ему, что мы могли встречаться когда-либо в Москве на студенческих научных конференциях или вдруг в Афгане? Давид с сомнением покачал головой. Действительно,

прошло так много лет, чтобы быть в чем-то уверенным, поэтому я не настаивал. На прощание я подарил Давиду Исааковичу свою книгу. Он повертел ее в руках и, быстро перелистав, вдруг спросил, когда мы уже стояли на лестнице:

– Вы случайно не представляли интересы Бышовца в качестве агента на переговорах у нас в городе перед подписанием его контракта с «Зенитом»?

– Знаете, – покачал я головой, Анатолий Федорович после работы в Корее, где я действительно много лет представлял его интересы и вел все переговоры по продлению, с некоторых пор не нуждается в агентских услугах и юридическом сопровождении. Он все хочет делать сам. Правда, перед самым подписанием он звонил мне вечером из отеля, и мы часа полтора, пункт за пунктом, прорабатывали все условия контракта.

– И сколько же ему стоили ваши услуги? – улыбнувшись спросил президент.

– Нисколько, – не без гордости ответил я. – Признаюсь, он спрашивал, есть ли у меня пожелания, но я ответил, что не нужно ничего, если только клубную футболку «Зенита».

– И что же он, прислал? – в вопросе Давида звучало любопытство.

– Увы, – ответил я, – однако обещания своего он не забыл. Когда позднее стал тренером сборной страны, пригласил меня к себе домой и подарил в качестве компенсации свою футболку с гербом сборной.

Мы попрощались с президентом возле его машины, обменявшись дружеским рукопожатием. Уже намереваясь захлопнуть дверь, Трактovenko бросил взгляд на Бокия, который стоял рядом со мной, положив мне руку на плечо, и удивленно спросил:

– Вы оказывается знакомы?

– И давно, – ответил я, улыбнувшись. Знаем друг друга с тех пор, когда Саша играл за «Спартак», и «Совинтерспорт» продавал его в Чехословакию.

– Ясно, – кивнул головой Давид и захлопнул дверь машины.

В августе в Сеуле стояла небывалая жара, а на юге страны, в городе Ульсан, где корейцы производят свои машины «Хендай», было еще и невыносимо влажно. Костя таял, как свеча, стоя в тени на трибуне стадиона в абсолютно мокрой майке. Страдая от климатической напасти, он не скрывал, что жару переносит очень тяжело и приводил мне в качестве положительного примера те страны Центральной Африки и Латинской Америки, которые он буквально исколесил взад – вперед вместе с Курбаном Бердыевым. Он тогда работал с тренером фактически спортивным директором, выискивая для «Рубина» новых футболистов, умелый подбор которых позволил клубу стать в 2003-м году впервые в своей истории бронзовым призером чемпионата России.

– Эх, Володя, – сокрушался он, – я ни в Бразилии, ни в Сенегале так не потел, в Гане чувствовал себя в большом

порядке. Бекиевич тоже не жаловался. Мы с ним столько посмотрели, столько купили, считай, целую команду. Это было что-то, – заключил он гордо, – хоть книгу пиши.

– Так напиши, – стараясь заразить его творческим энтузиазмом, бодро произнес я, добавив, однако: – правда, дело это нелегкое, если самому писать.

– Не могу я, Вова, – не поддавшись моему порыву, тихо ответил он. – Бекиевич и так всего боится. Я его берегу. Узнает, что я книгу пишу по твоему примеру, сразу разволнуется. А хорошо было бы, – вздохнул он мечтательно, – а то время идет, и сам начинаю забывать, что со мною происходило в течение этих десяти лет, что работаю агентом. Хочется, не скрою, иной раз самому не верится, что это со мной было, но... но боюсь потерять лицо, – забыв про жару и смеясь, заключил он.

Наконец президент клуба «Хендай» сжалился над нами и позвал в свою застекленную ложу, оборудованную кондиционерами. Он был доброжелателен и заверил нас, что если мы примем решение купить Хён Ён Мина, то клуб готов уступить игрока, но только в конце текущего сезона, никак не ранее декабря.

Однако по завершении сезона 2005 года Костантин снова приехал ко мне в офис и сообщил, что Трактovenко продает свой клуб «Газпрому». Я был искренне удивлен.

– А как же наш корейский футболист? – разочарованно спросил я.

– Не волнуйся, – быстро успокоил меня Костя, видимо ожидая этот вопрос. – Думаю, с ним все будет в порядке. Тренер снова подтвердил свое намерение взять Хён Ён Мина. Уверен, новый президент возражать не будет.

– А ты-то знаешь, почему Давид Исаакович принял такое поспешное решение? – с каким-то чувством утраты в голосе произнес я.

– Видишь ли, они продали банк, а клуб требует все новых больших вложений. Без банка Давиду привлекать средства будет тяжело, а из своего кармана финансировать клуб накладно, да он скорее всего и не потянет. Говорит, что с «Газпромом» клубу будет гораздо лучше. Тут он, бесспорно, прав.

– Ясно, – осознав новость, сказал я, – а ты-то сам свою работу с «Зенитом» продолжишь?

– Рассчитываю продолжить, а пока я к тебе пришел с предложением слетать еще раз в Корею.

Я посмотрел на Костю недоуменно, от удивления принимая его слова за шутку.

– Слушай, не помню, ты знаком с Анатолием Давыдовым? – спросил Костя многозначительно.

– К сожалению, нет, – сказал я, покачав головой. – Слышал о нем много хорошего. Помню, как он в Москве в Лужниках выиграл кубок у «Динамо», став в «Зените» главным после Бышовца.

– Вот и хорошо, – сказал Костя. – Он сейчас работает в

Новосибирске главным тренером и изъявил желание посмотреть в Сеуле молодых футболистов. Я ему как-то рассказывал, что твой корейский агент работает с перспективной молодежью из студенческой лиги, и что там можно купить игровых по цене не более тридцати тысяч долларов. Он загорелся и хотел бы туда с нами сгонять ненадолго.

– Давай попробуем, – сказал я, одобрительно кивнув головой, – лишь бы оказалось не поздно, а то ведь они в начале декабря уходят на каникулы.

Самолет Korean Air, что выруливал второго декабря 2005-го года на взлетную полосу аэропорта «Шереметьево», был огромным, но свободных мест в нем не было, лишь салон бизнес – класса был почти пуст. Нас было трое, но расселись мы в разных рядах. Стюардесса подходила к каждому и, приседая на корточки, тихо с улыбкой спрашивала, что мы предпочитаем выпить. Мне тут же налили рюмку французского коньяку. Что пил известный в прошлом футболист Анатолий Викторович Давыдов и пил ли он что-либо вообще, я из-за большого кожаного кресла у него за спиной просто не видел, а вот Константин отказался от бокала шампанского и попросил просто воды без газа. И правда, зачем спешить, – подумал я, – ведь полет будет таким долгим. После взлета Костя предложил мне пересест к нему поближе и уточнил программу нашего трехдневного визита в Сеул. Я еще раз повторил, что все дни расписаны по часам, и нам предстояло просмотреть целую дюжину футбольных матчей моло-

дежной лиги, перемещаясь из одного городка в другой.

– А что будем делать в пятницу, по прилету? Не сидеть же весь вечер в отеле по номерам? – спросил Костя.

– Предполагаю, что нас отвезут в Инчхон на финал корейской футбольной лиги. Во всяком случае, такое пожелание я Чою высказывал. Кстати, еще раз посмотрим на того полузащитника под седьмым номером, что играет в «Хендай». Вещи только оставим в «Тауэре» и сразу отправимся за город на стадион. По дороге и пообедаем.

– Ну что ж, это здорово, – успокоился Константин и с тоской произнес. – Расскажи что-нибудь интересное, а то скучно. Не могу без дела. Эти перелеты... – время, вычеркнутое из жизни, а заснуть вряд ли удастся.

– Да не знаю, что, – сказал я, зевая, и добавил, – послушай, Кость, ты в курсе, что корейцы вскоре после нашего с тобой приезда уже в сентябре поменяли главного тренера сборной.

– Это которого? – встрепнулся Костя. – Того, с которым твой Чой знакомил меня в сеульском «Тауэре»? Такой невысокий, в клетчатой курточке?

– Того самого, – подтвердил я.

– А это ты к чему?

– А ты знаешь, кого они взяли? – вопросом на вопрос ответил я.

– Нет, – сказал Костя, – как-то упустил из виду. – и поднялся с кресла, чтобы подойти к миленькой стюардессе, что разносила в соседнем ряду воду.

– Дика Адвоката! Корейцы его забрали из Эмиратов, чтобы он помог сборной выйти на чемпионат мира, – бросил я ему в спину.

Костя, едва услышал это имя, снова присел на свое место.

– Не знаешь, он сейчас в Корее? – осведомился Костя.

– Вряд ли. Сборная сыграла последний матч месяц назад, да и чемпионат в Корее подошел к концу. Им осталось сыграть финал, на который мы, собственно, завтра все вместе и пойдем.

– Жаль, – с сожалением заключил Костя, – я бы с радостью повидался с Диком, лет пять, если не шесть, не пересекались.

На этот раз Сеул нас встретил ясной, но довольно морозной погодой, хотя снега в начале декабря в Корее не было совсем. На стадионе в Инчхоне нас поначалу посадили в удобные кресла в ложе VIP и укутали пледами, но затем немного задержавшийся уполномоченный от федерации любезно пригласил нас в застекленную теплую ложу, где нам предложили чай и легкую корейскую закуску. Смотреть футбол, сидя, как в самолете, в больших кожаных креслах с подлокотниками было очень удобно. Однако к концу первого тайма за нашей спиной раздались громкие голоса, и к нам в ложу ввалилась толпа журналистов с громоздкой телевизионной аппаратурой. Нас довольно бесцеремонно попросили покинуть насиженные места, и в дверях в сопровождении Президента федерации появился голландский тренер Дик Адвокат.

Нам ничего не оставалось, как двинуться к выходу, поскольку услужливые работники федерации продолжали вытеснять нас на свежий воздух в зоне VIP. Голландского тренера все это время снимали на камеру и забрасывали разными вопросами, на которые он отвечать отказывался, жестикулируя короткими ручками, словно дирижер, умоляя журналистов не мешать ему смотреть футбол. Габаритный Константин Сарсания, протиснувшись между журналистами, оказался лицом к лицу с Диком, и тот первым, искренне удивившись, воскликнул: «My friend, what are you doing here?». Костя тоже улыбнулся Дикю, и они, потеснив стюардов, обнялись, как старые закадычные друзья. Адвокат, тщетно стараясь сосредоточиться на игре, второпях сунул Косте свою визитную карточку и попросил позвонить ему на следующий день. Сев на своё место, Костя бросил на меня недоумевающий взгляд и сказал:

– Вот так повезло! И корейцы, похоже, сами не знали, что он еще не улетел в отпуск.

– Откуда он тебя так хорошо знает, Костя? – спросил я, не в силах скрыть любопытства.

– Дела давно минувших дней, – после минутного раздумья ответил он. – Познакомился с ним в Голландии, а когда он работал с «Рейнджерс», летал к нему в Шотландию.

Я не стал более его мучить расспросами, чтобы не отрывать от просмотра матча.

После игры мы приехали в отель и, немного дезориенти-

рованные разницей во времени, разошлись по номерам. В половине девятого по местному времени новостные телепередачи по всем каналам начинались сообщением результата финала Чемпионата Кореи по футболу. Долго показывали, как тренер Адвокат почтил своим присутствием эту игру. Не ускользнули от внимания журналистов и теплые объятия тренера национальной сборной, выведшего команду Кореи на Мундиаль 2006 года, с каким-то широкоплечим высокого роста русским парнем, чья сборная на Чемпионат мира в Германию не попала. Показали и меня, а на спортивном канале, транслирующемся на английском, журналист даже озвучил мою фамилию, упомянув 1994 год, когда я был агентом их тренера национальной сборной Анатолия Бышовца.

«What are they doing here?» – задавались журналисты точно таким же вопросом, как и Дик Адвокат.

Никому из них и в голову тогда не приходило, что мы оказались на этой игре совершенно случайно, а целью нашего посещения их гостеприимной страны было подписать контракты на нескольких молодых быстрых и при этом недорогих нападающих из полупрофессиональной студенческой лиги для команды «Сибирь», где Анатолий Давыдов был главным тренером. Рано утром, когда на часах еще не было и семи, Костя позвонил мне в номер и спросил, чем я занимаюсь.

– Кажется, смотрю телевизор, – пошутил я, потерянный во времени.

Всем, кому приходилось бывать в странах Дальнего Востока, знают, как не просто приходится преодолевать разницу во времени, особенно в первые дни.

– Слушай, – предложил Константин, может, пойдем, позавтракаем?

– А Давыдов нам компанию составит? – спросил я.

– Он спит, и думаю, проснется только к обеду, когда за нами заедут.

В ресторане в это время было уже довольно многолюдно. Корейцы по привычке начинают свой день рано, независимо от того, будний это или выходной. С удовольствием выпив две чашки крепкого кофе со сливками, Костя сказал:

– Как ты думаешь, может, позвоним Дику, он тоже рано встает.

– Давай-давай, поддержал я предложение Константина, который по своей деликатности всегда боялся побеспокоить людей ни свет, ни заря.

Дик сразу поднял трубку и бодрым голосом сообщил, что улетает сегодня к себе на родину в отпуск, и рейс у него в полдень.

– Приезжайте ко мне немедленно, как раз вместе попьем кофе. – Он сообщил адрес нового пятизвездочного отеля. Мы подоспели вовремя: Дик уже спустился вниз и производил check-out. У нас было полчаса времени, и голландец с характерными для него энергетикой и импульсивностью принялся рассказывать нам о своих проблемах со здоровьем и

мучительно длительных перелетах на родину, которые он переносил слишком болезненно.

– Так переходи к нам, – из уст Константина это прозвучало скорее, как шутка.

– О, – воскликнул Дик, рассмеявшись, – с удовольствием, друг мой, готов сразу же по завершению Чемпионата, – словно Костя делал ему официальное предложение. – Я скажу больше, – добавил тренер без улыбки. – Много денег мне не надо. Здесь мне платят полтора миллиона долларов в год. В России меня вполне устроит подобная сумма.

Константин, слушая Адвоката и заметно волнуясь, деловито кивал головой. Выслушав его, он сказал:

– Мы как раз сейчас решаем, кто возглавит нашу сборную. У меня есть полномочия от федерации вести предварительные переговоры с возможными кандидатами. Вы в их числе.

– А кто будет гарантом по оплате контракта? – Дик сразу делал упор на главном... – Сомневаюсь, чтобы ваша федерация располагала упомянутой суммой. В Корее тоже у КФА ситуация схожая. Здесь гарантом исполнения обязательств по контракту является сам президент «Хендай». Он и платит мне без задержек день в день.

– У нас этим будет заниматься Абрамович, – уверенно произнес Константин.

– Ну что ж, считайте, что моим предварительным соглашением вы заручились, – сказал, Дик, словно фамилия Абрамовича мгновенно возымела на него магическое действие.

Костя, не скрывая радости, посмотрел на меня, но заметив в моих глазах скепсис, осторожно поинтересовался:

– А если вдруг окажется российский клуб, а не сборная?

– Можно попробовать, – уверенно произнес Дик с предельно серьезным выражением лица.

Он принялся на беглом английском объяснять нам, часто поправляя сам себя, требуемые им особенности и условия контракта, детализируя пункт за пунктом и бросая вопросительные взгляды то на меня, то на Константина. Он говорил быстро и энергично, не притрагиваясь к своему кофе. Посмотрев на меня, он обратил внимание, что я поглядываю на его чашку и, пододвинув ее ко мне поближе, сказал:

– Пей и мой, если хочешь!

Когда основные вехи наших дальнейших действий были им определены, он обратился к Константину:

– А где тот парень, твой партнер, уже забыл, как его зовут. – Он расставил руки, как делают у нас, когда хотят показать, что человек очень полный.

– Не совсем понял, сказал Костя озадаченно. – Ааа, – протянул он, – Наверное, Влад Светиков?

– Да-да, Влад, – громко засмеялся Дик. – Он был для меня таким забавным!

– Влад тоже, как и ты, тяжело переносит длительные перелеты.

Дик снова засмеялся и, посмотрев на часы, вскочил:

– Все, ребята, мне пора в аэропорт, – и стал на ходу наде-

вать короткое черное пальто.

В его поведении была какая-то суетность, и он никак не ассоциировался с западным европейцем, скорее, напоминал простого рязанского мужика, подобно герою актера Бориса Щукина из кинофильма «Ленин в Октябре».

Он посеменил своей быстрой походкой к черному такси, на борту которого золотом было написано «De luxe». Передав свой объемный саквояж таксисту и, развернувшись к нам, вдруг сказал:

– Мой друг, всего сразу не скажешь, лучше прилетай ко мне в гости сразу после Нового года. Поговорим обо всем спокойно.

Мы проводили взглядом такси, быстро растворившееся в потоке машин, и вернулись к столику.

– Слушай, который сейчас час в Москве, – спросил Костя, сдерживая зевоту.

– Четыре часа ночи, – ответил я.

– Значит, в Лондоне только час ночи, – задумчиво произнес Костя. – Ладно, – махнул он рукой. – Лучше вечером позвоню, – и, посмотрев на меня, добавил, – если он Романа Аркадьевича не устроит, не беда, я, как вариант, порекомендую его нашему новому генеральному директору Фурсенко. Он идеально подойдет «Зениту», даже, может быть, лучше, чем сборной. Думаю, Виталий Леонтьевич меня здесь только поддержит.

По приезде в Москву Константин в скором времени узнал

от Абрамовича, что в Лондоне тот уже конфиденциально встретился с Гусом Хиддинком, и согласовал его вопрос с Мутко. Таким образом, кто будет следующим главным тренером в нашей стране, наконец сняли с повестки дня.

Сарсания сокрушаться не стал, а, казалось, только обрадовался этой новости и со свойственной ему убедительностью подвел нового президента «Зенита» к мысли, что пришло время договариваться с Диком Адвокатом, чтобы он принял «Зенит» по истечении своего контракта с Южной Кореей, что естественным образом влекло за собой скорое расставание с Петржелой, которому все больше и больше нравилось проводить свободное время в игорных домах северной столицы.

Сергею Александровичу стало ясно, что более профессионального менеджера, чем Сарсания, в российском спорте ему просто не найти, и он, в скором времени став президентом, не мешкая, предложил Константину Сергеевичу перейти из агентов в структуру клуба «Зенит» уже в качестве спортивного директора. Зимой 2006 года в режиме полной секретности Константин неоднократно летал в Бельгию, где провел ряд успешных переговоров с Диком, согласовав с будущим тренером «Зенита» предварительный список футболистов для возможного приобретения клубом.

В январе 2006-го петербургский клуб «Зенит», сменивший своего хозяина, подтвердил желание купить именно корейского полузащитника.

Мое знакомство с новым президентом клуба состоялось тогда, когда мы подписывали в Петербурге контракт на футболиста Хён Ён Мина, полузащитника сборной Южной Кореи. Сергей Александрович, ещё некоторое время назад генеральный директор Лентрансгаза, только начинал работать с клубом вплотную и ещё не успел познакомиться со всеми сотрудниками, поэтому в клубе поначалу царило некоторое беспокойство: что кроется за этим пронизывающим взглядом? Я находился в кабинете генерального директора, когда вдруг открылась дверь и вошел Фурсенко. Он по-деловому сухо поздоровался со всеми, кто был в помещении, и спросил:

– А кто из вас будет Абрамов?

Я несколько взволнованно поднялся со стула.

– Пройдите, пожалуйста, ко мне в кабинет, – сказал Сергей Александрович, и предупредил секретаря, чтобы его не беспокоили некоторое время.

Он сел в кресло и достал из ящика стола книгу.

– Это вы написали? – спросил он, и, не дожидаясь ответа, сказал, – я прочитал, спасибо, – и пожал мне руку. – Благодаря ей порой удастся понять особенности характера некоторых наших тренеров, – и назвал их фамилии. – Думаю, это в какой-то степени помогло нам избежать возможных ошибок.

Он передал мне свою визитку и разрешил звонить в случае необходимости. На этом, собственно, и закончилось мое

знакомство с президентом «Зенита».

Весной западным журналистам стало известно, что Дик Адвокат согласовал свой контракт с «Зенитом», а в конце мая ко мне в офис приехал Сарсания уже в должности спортивного директора этого клуба и с ходу начал:

– Послушай, ты, помнится, как-то говорил, что президент клуба «Сеул» передавал тебе письмо-гарантию о том, что если будет хорошее предложение из Европы на защитника Ким Донг Джина, клуб готов его отпустить за два миллиона долларов.

– Да, – ответил я, – именно так, но это было почти год назад, в прошлом августе, когда я летал к нему по приглашению вскоре после нашей с тобой поездки туда.

– Покажешь письмо?

Я пробежал глазами папки на полке, нашел нужную и, вынув файл, протянул его Косте. Он, внимательно прочтя его, быстро сказал:

– Ты можешь ему сейчас позвонить и сказать, что «Зенит» готов купить Кима на указанных условиях.

– Да нет проблем. Сейчас в «Сеуле» ровно семь вечера. Наверняка, он еще в офисе.

Я набрал номер.

Господин Хан взял трубку и, узнав меня по голосу, приветливо спросил: «How are you?».

– Я сказал, что, кажется, сумею выполнить его просьбу.

– Это какую? – настороженно спросил он.

Я гордо ответил:

– Я нашел хороший контракт для вашего Ким Донг Джина.

– А какие деньги?

– Вы просили два миллиона?

– Да, было бы здорово, – засмеялся он в трубку.

– «Зенит» готов хоть завтра перевести эту сумму на счет вашего клуба.

– Ты шутишь, – голос президента задрожал.

– Совсем нет, но дело не терпит отлагательств – завтра нам нужен трансферный контракт с вашей подписью и печатью.

– О, нет, завтра не могу, – улетаю в Европу. Сначала в Ниццу, там у меня дочь учится балетному искусству, а затем – в Германию на Чемпионат мира.

– Господин президент, тогда нужно решать сегодня, – встревоженным голосом почти выкрикнул я. – Поймите, «Зенит» уже готов платить, а что будет после Чемпионата, неизвестно, их планы могут измениться!

– Хорошо, – согласился господин Хан. – Ты можешь гарантировать, что платеж точно будет произведен?

– Готов, но только на 99 процентов, – сказал я. Чтобы быть уверенным на все сто, надо перезвонить в Петербург Президенту клуба и подтвердить ему ваше согласие.

– О кей, – сказал господин Хан, – тогда я возвращаюсь в офис и жду от тебя подготовленный проект трансферного контракта.

– Да, – добавил я, спохватившись, подготовьте еще письмо на имя президента клуба «Зенит» с благодарностью за сотрудничество. Оно необходимо для подтверждения факта переговоров и намерения подписать контракт.

Я положил трубку, обернулся к Константину и, встретив его пылающий взгляд, сказал, что Хан пока требует мою личную гарантию перевода суммы контракта, но исключительно единым платежом, без разбивки на транши.

– Давай, разговаривай сам с Сергеем Александровичем, – сказал Костя и набрал номер Фурсенко.

Выслушав меня, президент «Зенита» ответил:

– Владимир, я подтверждаю, что как только Ким Донг Джин пройдет медкомиссию, мы на следующий же день переведем всю сумму на счет корейского клуба. Дик настаивает на приезде этого футболиста и уверяет что он ему необходим.

– В таком случае завтра, а, может быть, и сегодня, часа через три, я направлю вам трансферный контракт, подписанный клубом «Сеул».

– Прекрасно, Владимир, спасибо за работу. Условия и сумму вашей комиссии тогда обсудите с Константином.

Через два часа мы подготовили проект контракта и отправили его факсом в Корею. Буквально через полчаса у нас уже был факсовый ответ с указанными реквизитами, подписями и жирной печатью. Господин Хан перезвонил мне следом и сказал, что оригинал контракта они направят курьер-

ской почтой, и я получу его уже через два, от силы три дня.

— Бывает же такое! — воскликнул я, стоя в окружении сотрудников нашей фирмы. — Мы заработали сразу пятьдесят тысяч долларов — ровно столько, сколько нужно, чтобы выполнить годовой план.

Через три дня Фурсенко позвонил мне в офис и уточнил, получил ли я оригинальные документы, как обещали корейцы.

— Да, — сказал я радостно, — они у меня.

— Ну что же, — удовлетворенным голосом сказал Сергей Александрович, мы сделали с вами хорошую работу и сэкономили для нашего клуба минимум миллион долларов. Дик уверял меня, что стоить игрок будет три, а то и три с половиной миллиона. Так что... все получилось, как нельзя лучше. Завтра я пришлю своего человека за документами, — и, попрощавшись, положил трубку.

Я воспользовался своим правом позвонить Фурсенко только однажды где-то года через два, и то, только потому, что президент клуба «Сеул» просил меня лично довести до его сведения мнение корейских специалистов по поводу Дика Адвоката. Вопрос касался цены на корейских футболистов. Их футбольная общественность и в особенности журналисты по прошествии времени никак не могли взять в толк, как могло случиться, что футбольный клуб «Сеул» получил за Ким Донг Джина два миллиона долларов, тогда как клуб «Хендай» получил за Ли Хо, молодого централь-

ного полузащитника сборной Кореи, целых три. По их мнению, цена за Ли Хо была завышена как минимум в два раза, поскольку этот игрок, в отличие от Кима, который более пяти лет отыграл за сборную и имел только отличные игровые оценки, едва отыграл в высшей лиге один сезон и, чтобы называться тем, за кого его выдавал Дик Адвокат, ему нужно было еще долго работать над собой. За Кима вся Корея была спокойна. Они знали, что это уже большой мастер и себя нигде не скомпрометирует. Все, что просил Хан, я передал тогда Сергею Александровичу. Он выслушал меня с большим вниманием и сказал, что, с мнением корейца можно согласиться, и Ли Хо возможно не так хорош, а поэтому все чаще сидит на скамеечке запасных. Однако воспользоваться предостережением корейца полагаться во всем на мнение Дика в полной мере он не сможет, поскольку тот к тому времени уже привел «Зенит» к чемпионству и сделал клуб обладателем «Кубка УЕФА». А посему ссориться с этим тренером было не в интересах клуба.

Возможно, корейцы питали к Дику не самые теплые чувства, поскольку за время работы в Корее он не отличался сдержанностью и учтивостью, так необходимой в тех краях. Помню, как-то генеральный директор КФА сказал мне в доверительной беседе, что с его точки зрения самыми корыстными, жадными и хитрыми являются вовсе не евреи, как принято считать во всем мире, а именно голландцы.

Причиной нелестных суждений одного из руководителей

корейского футбола о патологической жадности голландцев было скорее навеяно образом жизни и мыслей не столько Дика Адвоката, сколько многоуважаемого Гуса Хиддинка. Ему действительно везло, и, если бы не оглушительный успех сборной Кореи на Чемпионате мира 2002 года и выход в полуфинал, не избежать бы Гусу злой критики корейских журналистов, давно заметивших у этого голландца пристрастие к роскоши и красивым женщинам. Этот великий тренер редко проживал на базах, поскольку любил просиживать допоздна в кофейнях пятизвездочных отелей, любуясь разнаряженными дивами, фланирующими в лобби. Однако разговоры журналистов о заоблачных требованиях и круглых суммах контрактов больше касались Дика, и только потому, что он был слишком прямолинейным, а порой даже и грубым с акулами пера. На самом же деле Дик всегда и везде шел лишь по следу Гуса и требовал себе суммы немного ниже, чем Гус. Но слухи о его жадности просачивались в прессу куда чаще, чем о его соотечественнике, и он почти всегда находился в ореоле общественной неприязни.

Эту неприязнь кто-то мог бы даже сравнить с той, что когда-то питал римский народ к своему императору Калигуле, но тому было все нипочем. «Пусть ненавидят, лишь бы боялись», – любил повторять он. Однажды Сарсания по этому поводу попытался как мог дать мне разъяснения:

– Что же ты хочешь, Николаич, чтобы московские болельщики любили Дика так же, как петербургские? Он же до

мозга костей пропитался газпромовским духом. Ты только вспомни те немыслимые для разума нашего народа контракты, которые готовились с моим непосредственным участием в бытность Дика в «Зените». Я и сам порой теряюсь, силясь вспомнить, сколько мы тогда с Фурсенко сделали: Ломбертс, Губачан, Шкртел, Семак, Зырянов, Широков, наконец Ким Донг Джин. Помнишь, что случилось, когда я познакомил Фурсенко с Ринатом Ахметовым, – засмеялся Костя и вскинул руку.

Я кивнул головой и улыбнулся ему в ответ.

– Вот именно, родился крупнейший контракт на Тимощука из «Шахтера» на 20 миллионов долларов!

Я любил наблюдать его по-детски безудержное выражение эмоций.

– А какой я провернул трансфер с покупкой Данни за 30 миллионов евро из московского «Динамо»! продолжал Костя, – это знакомство с португальским агентом Жоржем Мендешем помогло. Именно он меня надоумил. Один к одному, как и в случае с Домингесом получилось, когда я «увёл» его из рук Бердыева за 7 миллионов евро только на основании пункта об отступных. Тут, Николаич, не только документальную повесть можно было бы написать, здесь целый роман-эпопея получился! Денег тогда «Зенитом» была потрачена куча, но почти всё в конце концов окупилось. В этом мне признавался сам Алексей Борисович. Мы завоевали даже супер – кубок, о чем и не мечтали! Тогда нам оста-

валось всего-то построить лучший в Европе стадион с обогревом трибун и победить в Лиге Чемпионов.

Подожди, придет время и Газпром созреет для последнего броска.

Костя искренне в это верил, и мне казалось, что в его глазах горел свет далекой звезды.

– Красавцы, что и говорить! – засмеялся я, – ничего не остается делать, только руками разводить. Оттого и ненависть такая.

– Здесь скорее не только ненависть, – возразил Костя. – Помнишь тот анекдот про Сталина, когда ему доложили, что у Рокоссовского появилась любовница актриса? Спросили, что делать. «Будем завидовать», – ответил генералиссимус. Вот так, – заключил Костя, – значит, пусть завидуют, коль их доля такая.

Когда пришло время Сергею Фурсенко перебираться в Москву для работы в РФС, то Сарсания оказался в «Динамо». Не все сладко получилось в РФС. У нас в стране после бесславного Евро-2012 Дику решением свыше учинили obstruction на канале «Россия» в программе «Прямой эфир», пригласив на неё языкастых экспертов. Не обошли вниманием и меня, почему-то посчитав, что я способен внятно и доходчиво объяснить, как, за что и почему президент РФС Фурсенко выплачивал из кармана Газпрома этому, ставшему вдруг нерукопожатным голландцу с профилем и повадками Наполеона целых пять, а то и шесть миллионов евро в год.

Однако до начала эфира выяснилось, что входе его подготовки вдруг объявили о своем желании высказаться далекие от футбольных перипетий мэтры «отечественной совести нации» во главе с Владимиром Жириновским и примкнувшие к нему Фетисов с Тарасовой и также «рассудительный» Бубнов. Меня, поначалу за робкое, а потом настойчивое желание попытаться пролить луч света на правду жизни срочно пересадили во второй ряд и, пока патриотично и долго растекалась мыслью по древу Татьяна Тарасова, Бубнов в свойственной ему манере сам рванул микрофон и торопливо и бездоказательно прокричал, что все в РФС, начиная с Фурсенко и кончая Диком – бездарная мафия от футбола. Не дожидаясь, пока на него накинута смирительная рубашка, он спешно покинул студию. А посему Жириновскому и Фетисову досталась роль посредственных обвинителей главы РФС Фурсенко, якобы виноватого во всем и к тому же нечаянно посмеявшегося замахнуться на идею создания сборной, способной немного немало стать чемпионом мира на Мундиале в Москве. Как мне мыслилось, вся программа должна была быть задумана лишь с целью доходчивого объяснения гражданам вообще и болельщикам в частности, на каком основании и из каких источников платятся такие заоблачные суммы тренерам, ничего не достигшим своими результатами, однако по этой теме никто из выступавших в эфире так и не сказал ни слова. Да и не могли сказать, поскольку были далеки от сути вопроса и не владели пониманием ситу-

ации. А я? Я так и просидел всю передачу на скамейке запасных, наивно полагая, что уж после таких бурных высказываний общественных деятелей о недопустимости разбазаривания огромных сумм на зарплату тренерам, теперь наконец наступят времена вдумчивого и бережного отношения к денежным потокам, русла которых прокладываются в тиши высоких кабинетов. Но, как оказалось, не тут-то было. Все только пошло резко вверх по кривой в графике доходов означенных лиц. Пришли новые люди, и контракты на суммы от пяти миллионов евро стали уже нормой не только у заурядных футболистов, но и у их тренеров, при том, что результаты становились все скромнее и скромнее. Замаячили те же лица, и те же грабли стали набивать шишки уже новым руководителям. Гус Хиддинк оказался теперь в российском супер-клубе «Анжи», где командовал парадом узнаваемый в народе Герман Ткаченко.

Работа Сарсании в «Динамо» была не такой продолжительной, однако и здесь за короткий срок он помог превратить этот клуб возможно и не в лучший, но уж точно в самый красочный по игре клуб страны, смотреть матчи которого стали снова приходить на стадионы десятки тысяч поклонников московского футбола. При нем в «Динамо» появились Самедов, Воронин и Семшов. Пришел, в скором времени сменивший Сергея Силкина, и тренер Миодраг Божевич. Сенсацию вызвал приход в «Динамо» из «Шальке-04». благодаря настойчивым действиям Константина нападающе-

го сборной Германии Кевина Кураньи в качестве свободного агента, хотя этому немецкому футболисту требовалось выплачивать большую зарплату по личному контракту. Вопрос стоял о сумме, превышающей пять миллионов евро в год, но в который раз агентская интуиция Костю не подвела, и он убедил руководство клуба, что такой игрок стоит этих денег. И действительно, сколько впоследствии этот нападающий доставил удовольствия любителям спорта!

Костя всегда хотел оставаться в душе не просто москвичом, а динамовцем, поэтому, уже оставив работу в этом клубе, он активно способствовал приходу туда талантливых футболистов Балаша Джуджака и Кристиана Нобоа, значительно усиливших потенциал бело-голубых.

Костя дорожил своим близким знакомством с Сергеем Степашиным, в то время главой Счетной палаты, и всегда был готов помочь ему во всем, а мнение Константина по вопросам динамики развития российского футбола было осмысленно и значимо. Однако, сразу после закрытия летнего трансферного окна 2012 года, разразившийся скандал в средствах массовой информации по поводу приобретения «Зенитом» сразу двух футболистов Халка и Витцеля из португальских клубов за умопомрачительную общую сумму в 80 миллионов евро заставил Сергея Степашина принародно высказаться. Погрузившись в думу о правомерности и обоснованности трат, он выразил серьезное сомнение в ликвидности данного актива Газпрома. С высоты своего положения

в иерархии государственных управленцев звездный генерал обещал досконально разобраться. Правда, дальше слов дело не сдвинулось. Безусловно, это высказывание грешило в устах покровителя «Динамо» проявлением двойных стандартов, принимая во внимание активность его же клуба на трансферном рынке, пусть и не столь агрессивную в сравнении с «Зенитом». Канал РБК пытался пригласить к себе на передачу кого-либо из известных политиков с альтернативным мнением по поводу дорогих приобретений, но все отказались. В конце концов пришлось высказываться мне. Костя увидел мое лицо на экране и, позвонив, сказал без упрека:

– Ну что ж, тебе, Николаич, можно говорить то, что думаешь, – намекая, видимо, на то, что чем меньше блоха, тем сложнее на нее давить.

Я и сам, рассуждая о престиже российского футбола и предвкушая великую эру для питерского клуба, все равно даже не осмеливался предполагать, что через 4 года этот «неликвид», как полагал Степашин, превратится в подобие биткоина на декабрьских торгах 2017 года. Я, проработав на рынке Китая больше десяти лет, хорошо знаю, насколько практичен этот восточный народ, и если уж он изволил раскошелиться только на трансфер «Зениту» за этих, заметно постаревших звезд, 77 миллионов евро, значит, это было не только кому-то нужно, но и выгодно! А рассуждения в народе типа: «Зачем нужно было Екатерине Великой создавать в «Зимнем» свой Эрмитаж, когда народ голодал», в

нынешних условиях я для себя не приемлю. Вопрос по сути прост: какие клуб ставит перед собой цели, и если он не боится в открытую признавать, что стремится стать одним из лучших не только в стране, а ещё и владеть кубком Лиги чемпионов, то нужно глубоко залезать в карман и не страшиться риска. Иначе, хочешь – не хочешь, а счет 7:0 не в нашу пользу еще не раз будет сиять убийственным цветом на табло. Проигрывал ли «Спартак» раньше так, как в 2017-м году? Да, было. Результат 5:0, пусть чуть-чуть скромнее, но той же команде, в том же турнире и на том же стадионе в Ливерпуле. Это было ровно 15 лет назад. Так случилось, я оказался на этом матче со своим коллегой Михаилом Сахаровым. Мы сидели, стыдливо опустив глаза, а стадион продолжал скандировать: «We want more, we want more!!!», что означало: «Мы хотим больше!». Наконец через 15 лет их призыв был командой услышан и реализован. В тот день, второго октября, за нашими спинами посапывал во сне, лежа на трех незанятых сиденьях, молодой начинающий комментатор НТВ-плюс Георгий Черданцев, и всякий раз, когда стадион гремел, скандируя свои требования забить русским еще, он, изрядно «уставший», просыпался и орал осипшим голосом ругательства в сторону англо-саксов, вызывая у стюардов в желтых одеждах необъяснимые отрицательные эмоции.

Противостояние Газпрома и Лукойла вполне закономерно, однако, мне кажется, что Газпром давно смирился со сво-

ей участью и предназначением, а заодно и с тем, сколько оно ему будет стоить, а Лукойл все ещё оглядывается по сторонам в поисках оправдания, сомневаясь, стоит ли нести непомерные траты.

Жаль, что Константин Сарсания в бытность свою спортивным директором «Динамо» так и не сумел найти общий язык со вторым человеком в иерархии ВТБ Василием Титовым, исполняющим обязанности Председателя совета директоров бело-голубых, из-за чего нередко сам очень огорчался по этому поводу.

– Нет, Николаич, – говорил тихо Костя, – у нас с ним разные цели. Я хочу, чтобы «Динамо» стало чемпионом и точно знаю, что для этого нужно сделать, а ему нужна земля под будущий стадион и другие постройки на прилегающей территории, чтобы покрыть текущие затраты и заработать.

Зато в «Динамо» Константин близко сошелся ещё с одним генералом, президентом клуба Юрием Исаевым, ставшим в скором времени и главой Госкорпорации «АСВ» (Агенство по страхованию вкладов). Собственно, это он, Исаев, и уговорил Костю, который мечтал попробовать себя в качестве тренера, поехать поработать в Воронеж, где Костя когда-то еще в юношах играл за основной состав команды «Факел». Исаев обещал помогать клубу деньгами, чтобы он поднялся из второго дивизиона до высот РФПЛ. Костя загорелся, познакомился и с губернатором воронежской области, который тоже обещал содействовать, но, как говорится, «обещать –

не значит жениться».

На первых порах Сарсания со своим клубом довольно легко пробился в ФНЛ, но дальше дело не пошло, поскольку нужны были деньги, и далеко не маленькие, о необходимости которых он неоднократно говорил губернатору при личных встречах. Я был свидетелем их разговоров, поскольку по просьбе президента клуба «Факел» некоторое время работал в Воронеже пиар-директором клуба. Однажды Алексей Васильевич сам приехал на базу, и во время пресс конференции там же, на берегу Дона, я задал ему прямой вопрос: почему бы ему, губернатору и персоне, приближенной к первому лицу государства, не воспользоваться правом обратиться напрямую с просьбой назначить клубу достойного спонсора, хотя бы по примеру того же ЦСКА, когда уважаемый Сергей Иванов легко решал подобные вопросы. Дело было в том, что черноземные области России, где на протяжении многих лет в прошлом формировался образ нашего русского футбола, давно были лишены возможности представлять себя в премьер-лиге лишь только потому, что отсутствовали необходимые средства на содержание команд, на что Гордеев, не смутившись, ответил прямо, что не в его правилах просить что-либо у первого человека страны. Зато его суетливая и самоуверенная помощница подошла к Константину и сказала ему без обиняков: «Он что, сумасшедший, задавать губернатору такие вопросы?». «Нет», – ответил Константин, – «он просто живет, как ему заблагорассудится».

Единственно, на что хватило средств в Воронеже, так это, пожалуй, лишь на ремонт и возрождение полей загородной клубной базы. Обещанной помощи так никто и не оказал, а, значит, и вероятность вывести команду «Факел» из ФНЛ в РПФЛ реальностью не стала, и тщетные усилия только отбирали у Константина здоровье. Придет время, и Гордеев признается Константину, что он далеко не сразу понял, что для качественного футбола нужны действительно большие деньги. Ну что же, пусть хотя бы так. Тульский «Арсенал» тогда еще не играл в РФПЛ, и никто не смел предположить, что когда-либо компания Чемезова со своими финансовыми возможностями придет к ним на помощь.

Продолжая работать в «Факеле» в 2012 году уже в должности Президента клуба, Костя не в состоянии был способствовать финансовому оздоровлению клуба. Тут-то и подвернулась работа в ближнем зарубежье. Футбольный клуб «Атлантас» из Клайпеды был заинтересован в его услугах в качестве главного тренера. Хотя надо заметить, что этот ничем не примечательный литовский клуб денег не имел вовсе. 2 тысячи евро – вот предельный максимум, на что клуб мог сподобиться при выплате зарплаты доморощенным футболистам. А про покупку легионеров и говорить не приходилось. При таких обстоятельствах Костя взял к себе лишь нападающего Андрея Панюкова из «Динамо», и тот 2 года терроризировал ворота соперников «Атлантаса», являясь лучшим голеадором их небольшого государства. Я был рад пе-

реходу Кости и надеялся, что наконец он найдет время заняться восстановлением здоровья. На курорте в Паланге, где Константин расположился в уютном отеле, он много гулял, ежедневно ел исключительно свежую рыбу и овощи. Единственное отклонение от здорового образа жизни, которое позволял себе Костя – это были небольшие ароматные голландские сигариллы особого сорта в яркой упаковке, которые он курил после обеда – привычка, унаследованная от Дика Адвоката.

После первого сезона в Литве Сарсания стал необычайно популярной личностью: шутка ли, он чуть было не отобрал у «Жальгириса» право быть перманентным чемпионом, практически догнав литовский супер-клуб, и закончил с «Атлантасом» чемпионат, отстав от именитого клуба всего лишь на одно очко. Если бы не злосчастная ничья, ставшая следствием пропущенного гола на последней минуте игры, то возможно быть бы его клубу чемпионом Литвы. На следующий год, в июле 2014-го, за несколько дней до своей первой игры в Лиге Европы на поле в Клайпеде, Костя позвонил мне и попросил, чтобы я срочно оформил Шенгенскую визу.

– Послушай, – сказал он мне по телефону, – я через три дня привезу в Москву отца из Паланги: там врачи подлечили ему сердце, а на следующий день отправлюсь обратно и возьму тебя с собой. Полетим прямым рейсом, а через неделю вернемся в Москву. Потаскаю тебя по дюнам, а заодно и игру моей команды против Люксембурга посмотришь.

Кстати, ту игру «Атлантас» выиграл со счетом 3:1, и Костя, обезумевший от счастья от того, что его команда прошла в следующий этап соревнований, пригласил меня в лучший рыбный ресторан Паланги отметить победу, а заодно и вручение ему приза «Лучший тренер 2013 года», который ему прислали из Вильнюса буквально незадолго до игры.

В тот вечер мы были втроем. Вместе с нами был и Сергей Викторович Савченков, хорошо известный в Воронеже футболист и тренер, который проработал с Константином много лет.

Помню, на следующий день в команде был объявлен день отдыха, и тогда нас осенило: предпримем – ка мы дальний марш-бросок, и на свой страх и риск попытаемся дойти вдоль берега по дюнам от Паланги до порта Клайпеды. Савченков, несмотря на уговоры, решительно отказался по причине легкой травмы ноги, и мы с Константином вдвоем сразу после завтрака двинулись в путь. Однако все оказалось не так просто, как мы ожидали. Пройдя в ускоренном ритме первые 15 километров где-то часа за три, мы обнаружили, что в кровь натерли ноги о песок и с грустью пришли к выводу, что дойти не сможем, хотя город уже показался за высоким маяком. Пришлось вызывать на помощь ребят из клуба. Около часа они искали нас на машинах. Ладно, что мы устали и хотели пить, мы к тому же еще и обгорели, но это наше неудавшееся путешествие надолго осталось в памяти и стало предметом постоянных шуток наших литовских друзей.

Как-то в середине декабря 2015 года около восьми часов вечера Сарсания позвонил мне на домашний телефон.

– Ты сегодня гулял? – начал Костя, как заботливая мать.

Его голос звенел какой-то необъяснимой для меня радостью.

– Нет, – ответил я, – в Москве погода противная: морозно и ветрено.

– Ладно притворяться, нормально!

– Сам-то ты где сейчас, в Литве? – спросил я.

– Нет, подъехал к твоему дому, выходи! – засмеялся он, услышав, как я затих от неожиданности. – Я тебя по холмам проташу маленько.

Костин «Лексус» быстро домчал нас до Крылатских холмов, и Сергей, его постоянный персональный шофер, притормозив у остановки, сказал:

– Выходите друзья, приехали!

Сарсания, проговоривший, к моему сожалению, всю дорогу по мобильнику, в машине быстро переоделся в спортивную куртку, и мы оказались во власти семи ветров. Он широко улыбался, не скрывая хорошего настроения.

– Ты чего такой веселый? – спросил я. – не иначе, наконец получил достойное предложение!

– Нет, не получил, – с готовностью ответил он, – но делом хорошим занялся, – и, подумав немного, добавил, – нужным для нашего футбола. Бекиевич мне здесь звонил на прошлой

неделе и жаловался, что дела у «Ростова» совсем плохи, хоть завтра снимайся с Чемпионата. Ну скажи, чем я ему мог помочь? – пожал могучими плечами Константин и сам же коротко ответил, – да ничем! Он говорит, что у клуба денег совсем нет. Нет их ни у губернатора области, ни у мэра Ростова. И спонсоры тоже воротят нос от команды, не хотят ничего давать. К Ротенбергу, – Бекиевич говорит, – можно было бы обратиться, но у областного начальства нет на него выхода, и, когда надо, он им сам звонит, а у тебя, – говорит, – есть. Попросил меня ему позвонить и рассказать, что у них мало того, что долги по зарплате, да еще и трансферы не оплачены вовремя. Если кто из футболистов надумает подать жалобу в РФС, то клубу кислород перекроют надолго. И что же мне ему сказать? Дайте денег? Да он и говорить не станет! А ты скажи ему по другому, – советует Бекиевич. – Ты подчеркни, что команда «Ростов» играет хорошо несмотря на задолженность по зарплате. Главное, что команда находится в лидерах и способна стать чемпионом. Пусть он знает, что Курбан Бердыев уверен, что сможет этим составом обыграть всех: и «ЦСКА», и «Зенит», и «Спартак», а если еще и парочку футболистов подкупить, то клуб вполне способен стать чемпионом. Тогда Ротенберг призадумается. Курбан абсолютно уверен, что в случае положительного решения он сможет «отбить» все вложения и расплатиться по долгам.

– Так что в конечном итоге, – спросил я Костю, – ты по-

звонил или нет?

– Конечно, позвонил! Кажется, удалось убедил Романовича. Он вроде загорелся. Я уже организовал ему встречу с Курбаном в Москве, и Бекиевич ему все по полочкам разложил. Ротенберг пообещал найти деньги, но хочет всю ответственность по контролю за финансовыми потоками мне поручить. Обещал, что подключит нужных спонсоров, но при одном условии, что все платежи будут проходить под моим личным контролем, чтобы исключить необоснованные утечки. Пригласил губернатора области и мэра для встречи со мной. Передал мне их прямые телефоны.

– Какова перспектива, по твоему мнению, – спросил я.

– Мне пришлось принять на себя ответственность перед Борисом Романовичем...

В этот момент кто-то позвонил Косте на мобильный, он озябшей рукой полез в карман куртки. Взглянув на экран, он, прежде, чем ответить, попросил меня помолчать.

– Гуляю я, Романович, иду быстрым шагом, оттого и дышу прерывисто. Да точно-точно, – рассмеялся Костя. – Да, с Курбаном по поводу динамовского защитника поговорил, никого он у них в команде брать не хочет, а кандидатуру Самбы категорически отверг. Говорит, по стилю не подходит. Идеально бы подошел Федор Кудряшов из «Терека», к тому же не так дорого. Что касается Ерохина: он согласился с нашим предложением и прилетит ко мне в Москву на встречу послезавтра. Мы с ним обо всем переговорим и, я

уверен, он даст свое согласие. По остальным вопросам я позвоню вам завтра и доложу.

Костя разъединил и, выдохнув, повернул ко мне голову, желая что-то сказать, однако телефон зазвонил вновь.

– Подожди, – сказал он, – что-то опять Ротенберг. – Да, Борис Романович, слушаю! Ну что я могу сделать, не хочет он его брать, говорит, что только другим будет мешать. Куда девать? – Костя пожал плечами, – пока не знаю, думать надо. Хорошо, хорошо, – закончил он.

Он посмотрел на меня несколько удивленно, словно позабыл, что я стою рядом и, покачав головой, сказал:

– Ты знаешь, Николаич, никогда прежде не слышал, как Ротенберг ругается, а тут шлет такие проклятия на голову Германа Ткаченко из-за этих игроков, что «Динамо» накупило! Кстати, прошу тебя, ты уж, пожалуйста, об этом разговоре пока никому не говори.

– А когда будет можно?

– Когда-нибудь можно будет. Вот станем чемпионами, тогда да!

Я присвистнул.

– Ты шутишь, должно быть!

– Я нисколько не шучу. И Курбан убежден, что мы способны удивить всех.

Между тем мы с Константином прошли половину нашего маршрута, заканчивавшегося традиционно у того высотного кирпичного дома, где, по слухам, жили братья Березуцкие

и известная всем Тина Канделаки, и повернули в обратную сторону.

Сколько раз мне приходилось сокрушаться и делиться этим с Костей, что он живет в далеком Бутово, а мог бы, как мне представлялось, жить в Москве где угодно в достойных уровня его успехов в бизнесе районах, а, может быть, даже в лучшем из них. Ведь он, как и я, москвич, и с рождения впитал в себя любовь к городу с его златоглавыми церквами и широкими проспектами. Но Костя оставался холодным к шику и излишнему комфорту.

– Володя, ну не люблю я этот якобы московский бомонд с его тусовками и нуворишами, понаехавшими со всех концов России. Не терплю я рублевскую показуху, – неизменно раздраженно бросал он мне в ответ, – и никогда не буду там жить.

Сарсания действительно во многом предпочитал аскетичный образ жизни. Пожалуй, единственно, к чему он тяготел, так это к марке автомобиля. Он был вынужден много перемещаться по городу и за его пределы и ужасно уставал от переездов, поэтому его личная машина, как он всегда считал, должна была быть высокой и вместительной, а если принять во внимание, что он был сам большим и часто жаловался на спину и ноги, то ему хотелось иметь под собой удобное кожаное кресло, чтобы в пути вытянуться и расслабиться.

Несмотря на все усилия, «Ростову» не посчастливилось стать чемпионом, он стал лишь серебряным призером, но

своей самоотверженной игрой удивил и поразил всех специалистов. А что клуб сотворил в Лиге чемпионов, то это была отдельная песня. Честно заработав большие деньги, достаточные, чтобы расплатиться по многолетним долгам, «Ростов» доказал всем скептикам, что и без европейских звезд и игроков сборной можно здорово играть и даже красиво выигрывать в Лиге чемпионов. В кое веки благодаря этому скромному клубу наконец за наш отечественный футбол было не стыдно.

Время шло, а Крстя продолжал тренировать «Атлантас» и время от времени прилетать в Москву. Только в апреле 1917-го года, проходя по тому же маршруту в Крылатском, Костя вдруг разоткровенничался:

– Все, – сказал он, – перехожу в «Рубин» вместе с Курбаном. Уже познакомился со всеми спонсорами и хозяевами клуба. Думаю, у нас все получится, и поставленные задачи нам по плечу. Кое-кого из «Ростова» возьмем, конечно, но нужно строить новую команду, способную собирать полные трибуны нового стадиона в Казани.

– Странно мне все это слышать, – сказал я, – ты же все это время хотел работать только в «Зените».

– Ну а что в «Зените»? Я же тебе рассказывал, что Алексей Борисович со мной встречался, да и Дюков все эти годы меня звал к себе. Они никак не могут взять в толк, что прийти-то в команду я могу, но результат дать не смогу. Вот

ты как думаешь, почему у меня с Курбаном все всегда получалось? Да потому что мы с ним всё одинаково понимаем и мы, если хочешь, одно целое. А в «Зените» все было бы не так. Деньги, конечно, я бы получал хорошие, да только свою репутацию подмочил бы, поскольку результат уходил бы в свисток. Мне нужна единая команда, а это значит: Фурсенко и я, и никто больше. Тогда все бы получилось. Пришел бы в команду тренер, в котором мы с Сергеем Александровичем были бы уверены. Хорошо бы, Манчини! Решение принимали бы сразу и быстро. А если между нами будет Митрофанов, то, боюсь, ничего хорошего не получится, я об этом откровенно говорил Миллеру при наших встречах. Максим – неплохой парень и все такое, но он для меня, как какое-то препятствие. «An obstacle to overcome», – почему-то сказал он по-английски. – Надеюсь, что Алексей Борисович меня понял, но боюсь, не до конца.

Я внимательно смотрел на Костю и видел, как он волнуется.

– Ну а если всё же представить, что в «Зенит» снова придет Фурсенко и разрулит твой вопрос, тогда ты что будешь делать?

– Маловероятно, – сказал он. – Что гадать понапрасну. – Но если вдруг это свершится, то сам понимаешь, тогда придется мне перед «Рубином» извиниться. Надеюсь, они меня поймут правильно и обойдется все без скандала. Мне ближе всех Сергей Александрович.

Костя вдруг остановился и посмотрел на меня, прищулив глаза.

– Ты все до меня докапываешься. Ты лучше вот что мне скажи: ты сам – то чем будешь заниматься? Да, кстати, ты свой исторический роман, который пишешь чёрт знает сколько лет, когда наконец закончишь?

– Уже закончил, – торжествующе сказал я. – Издательство «АСТ» уже приняло роман к изданию, сейчас литературный редактор читает, затем книга пойдет в печать. Думаю, что в конце августа или в сентябре уже будет в продаже.

– Наконец! Ты его назвал, как планировал: «Хочу женщину в Ницце»? – спросил Константин.

Я кивнул.

– Надо будет почитать, – улыбнулся он. – Ну а дальше-то что будешь делать? Может, все же продолжишь заниматься агентским бизнесом?

– Костя, я устал от этого вопроса, который постоянно слышу от журналистов. Не забывай, мне 61 год. Когда-то тренер «Зенита» Юрий Андреевич Морозов, когда мы его в «Совинтерспорте» в Ирак работать отправляли, говорил, что футболист уже в 28 лет должен потихонечку стеночку начинать подбирать, в 29-гвоздик в неё вбивать, а в 30 – вешать на него бутсы. Бышовец тоже в бытность свою в «Зените» любил повторять, что когда тренеру за 60, с ним начинает твориться что-то не то!

– Правда сейчас, – засмеялся Костя, – он так не думает.

– Я с тобой согласен, – сказал я. – Однако согласишься и ты, нельзя быть футбольным агентом, когда на тебя футболист начинает смотреть не как на мужчину средних лет, а как на умудренного опытом, но деда. Это приводит к утрате доверия, потому что отсутствует связь времен. Мы как будто живем в разных ментальных мирах. Я весь в прошлом, а он в будущем.

– Ну-ну, – произнес недовольно Костя, – чего-то ты дуришь, парень. Сейчас ни один тренер в 70 лет не отказывается от работы. Вспомни, ты раньше мог любого футболиста или тренера уговорить принять нужное для тебя решение. И сейчас, думаю, что можешь. Ладно, как знаешь, – махнул он рукой.

– Вот именно, Костя, – продолжил я, – я лучше куплю еще одну пачку бумаги, заправлю любимую ручку чернилами и напишу интересный роман. Это как навязчивая идея.

– Не понимаю, – сказал с сомнением Костя. – Хотя... Я бы, может быть, тебя и понял, если бы мог сам писать, – вдруг изрек Константин, – а так...

Майские встречи Сергея Александровича с Алексеем Борисовичем в ложе VIP нового петербургского стадиона становились теплее и сердечнее по мере того, как Миллеру виделось все яснее, что прощание с 72-летним румынским специалистом – дело неизбежное.

Наша встреча с Костей в Москве была скоротечной. Он

ждал назначения в «Зенит» и спешил, чтобы не опоздать на поезд. А я, зная, что Сарсания долго вынашивал идею приезда Манчини в Петербург, с чем и связаны были его многочисленные звонки в Италию, задал Косте скорее риторический вопрос:

– А Фурсенко – то ждет его? – на что Костя загадочно улыбнулся и произнес:

– Конечно, как долгожданного мессию.

По прогнозам футбольных экспертов лето в Петербурге обещало быть «жарким». Манчини прилетел в северную столицу России не один. Одновременно прибыли сразу 5 его помощников. Любовь Роберто к масштабным трансферным переменам со временем не иссякала, наоборот, она сразу проявилась в его умелом осваивании выделенных клубом средств на общую сумму в 85 миллионов евро, установив рекорд года, обогнав все российские клубы, вместе взятые, сразу в 2 раза. Но не потому, что другие были дальновиднее или рачительнее. Денег просто было мало у всех, а у ЦСКА их не было вовсе, оттого и никого не купили. Но по мнению Попандопуло из Одессы все было поделено по-честному, и кому сейчас нужна эта уравниловка, мы же в капитализме. Рынок все расставил по местам, как и обещал Черномырдин.

Однако, если говорить серьезно с цифрами в руках, то возникает вопрос: разве «Зенит» не имел на такие дорогостоящие приобретения права? Разве УЕФА в своем докладе напрасно отмечал, что по результатам 2016 года петербург-

ский клуб впервые в российской истории вышел на первое место в Европе по уровню чистой прибыли. Надо признать, что такое произошло по целому ряду причин, а не только потому, что клуб сумел выгодно продать своих игроков в Китай, но и с большой прибылью завершил сделку по продаже аргентинского футболиста Гарая в испанскую «Валенсию». Купили его в 2014 году за 6 миллионов евро, а продали – за 24 миллиона через каких-то 2 года. Вот вам и фэйрплей по-русски.

В «Зенит» приехали 11 новичков. Первым в клуб прибыл долгожданный Леандро Паредес из «Ромы», приобретенный за 23 миллиона евро, вслед за ним прилетел молодой форвард Дриусси, который обошелся «Зениту» в 15 миллионов евро. Потом подтянулись и другие аргентинские звездочки: Маммана, Краневиттор и наконец Ригони, которого сумел уговорить лично Манчини. В общей сложности эти футболисты обошлись клубу сине-бело-голубых в сумму 33 миллиона евро. На плечи же спортивного директора Костантина Сарсания легла не вполне благодарная и трудноразрешимая работа по распродаже ставших ненужными команде нового тренера футболистов. Таких набралось сразу 14. Тот, кому приходилось работать в этом нелегком бизнесе, знает, что продавать футболистов, особенно в условиях перегретого рынка, где предложение заметно превышает спрос, просто, к тому же реализовывать приходится товар, скажем так, не первой свежести, но сделать это необходимо в срок и же-

лательно без необоснованных потерь.

Вот и разъехались по городам и весям те, кто еще год назад демонстрировал болельщикам клуба своё умение, играя в форме с логотипами «Газпрома». География продаж пестрела разнообразием: от известных клубов дальнего зарубежья до Турции и ставшего скромным в своих возможностях столичного «Динамо». Константин Сергеевич выполнил поставленную перед ним задачу почти филигранно, к тому же на его широкие плечи легла непростая, но благородная миссия произвести точечное приобретение на внутреннем рынке нужных футболистов, желательно находящихся на положении свободных агентов, чтобы обеспечить необходимый финансовый фейрплей в соответствии с жесткими требованиями УЕФА.

– «Зениту» нужно российское лицо, – считал и часто повторял для журналистов Константин Сарсания.

Снова Сарсания блистал умением быстро разобраться и успеть первым взять лучшее, что было в стране. Из «Ростова» Константин сумел увезти с собой сразу четырех футболистов: Терентьева, Ерохина, Полоза и Нобоа. А из «Терека» молодого Далера Кузяева, который в скором времени сумел стать украшением РФПЛ и сборной страны.

– 4 миллиона евро за Кузяева – это небольшая цена за футболиста, который будет только прибавлять, – объяснял Сарсания журналистам.

Все лето и первый месяц осени «Зенит» был единолич-

ным лидером чемпионата, обеспечивая большой отрыв от главных своих соперников: «Спартака» и «ЦСКА». Сидя в своей ложе на переполненном стадионе Санкт-Петербурга с Сергеем Александровичем, Алексей Борисович светился счастьем от игры своего клуба. Довольны были все. Пожалуй, только Манчини продолжал высказывать сожаление, что не успел в летнее трансферное окно приобрести ни настоящего забивного нападающего типа Кавани, ни центрального защитника и полузащитника. Ему всегда кого-то не хватало. А потом... в чемпионате наступил перерыв, и футболисты разъехались по своим сборным. Я, помнится, сам позвонил Константину в один из первых дней наступившего октября и спросил, собирается ли он почтить своим присутствием стадион «ЦСКА», где сборная страны должна будет сыграть против команды Южной Кореи.

– А когда они играют, – как мне показалось, усталым голосом спросил Костя.

– 7 октября в 17.00.

Он немного помолчал и сказал:

– Еще не решил, Николаич, где сам буду. Попозже скажу. А потом обратился ко мне с вопросом:

– Я смотрю, ты все еще скучаешь по Корее?

– Да, – сказал я, – наверное. А ты помнишь, как господин Чой, мечтал приехать в Россию, когда к нам наконец прилетит его сборная?

– Что уж теперь вспоминать. Мы с тобой, если не ошиба-

юсь, 10 лет подряд осенью мотались в Сеул по его приглашению. Я и сейчас этот город часто вспоминаю. Жалко только, что Чой из жизни ушел так рано. Некому теперь организовывать для нас спарринги молодежных команд. Ладно, Николаич, ближе к 7-му октября созвонимся. Постараюсь.

Это был наш последний разговор.

В день игры сборных России и Южной Кореи около двух часов дня мне позвонил отец футболиста Андрея Панюкова и сообщил страшную вестъ: Кости больше нет.

– Как это случилось? – спросил я упавшим голосом.

– Пока никто не знает, Владимир Николаевич. Мне Олег Артемов сообщил.

Я сразу набрал президенту РФПЛ. Сергей Геннадьевич поднял трубку и сказал:

– Володя, ты, наверное, насчет Кости?

– Сережа, это правда?

– Да, – сказал он тихим голосом. – Сам еще деталей не знаю. Говорят, что тромб оторвался. Всё, давай я тебе перезвоню чуть позже.

В день похорон 10 октября на улице Маршала Тимошенко, где проходила гражданская панихида, людей было много, и лица многих были мне знакомы.

Сергей Фурсенко стоял рядом с Председателем Совета директоров клуба «Зенит» Дюковым. Я заметил, что они о чем-то беседуют, и не решился их беспокоить, но Сергей Алек-

сандрович окликнул меня сам. Он обнял меня и тихо сказал:
– Вот и нет у нас теперь друга...

На кладбище в Ракитках мы долго ждали, когда придет катафалк из церкви, и, чтобы окончательно не замерзнуть, я бродил по территории этого небольшого подмосковного кладбища, разглядывая захоронения. Заместитель спортивного директора «Зенита» Александр Геннадьевич Поваренкин и стоящий с ним селекционер клуба Иван Стрельцов окликнули меня и спросили, ищу ли я что-то конкретное, переходя от могилы к могиле.

– Знаете, ребята, здесь где-то на пятом участке захоронен сам Виктор Семенович Абакумов.

– А кто это, – заинтересованно спросил Стрельцов.

– Это почти легендарная личность, – ответил я, – создатель и начальник контрразведки «Смерш». Ему тогда было, если мне память не изменяет, чуть больше 33-х лет.

– 33? – переспросил Стрельцов. – Возраст Христа.

– Да, – грустно улыбнулся я, – а расстреляли его в Ленинграде в Левашово в 1954 году.

– Выходит, и здесь Ленинград не остался в стороне, заключил Поваренкин и как-то с недоверием посмотрел на меня, а затем спросил:

– А почему, собственно, у нас в Ленинграде?

В его голосе содержался какой-то упрек. После недолгих поисков мы набрали на захоронение этого генерала. По странной случайности оно располагалось совсем поблизости

от того места, где должен был быть упокоен Костя.

– Так он здесь не один, – прочтя надпись на надгробной плите Абакумова, тихо произнес Поваренкин.

– Да, – подтвердил я, – это его жена и сын.

– Постой, Володя, если ты про него чего-нибудь знаешь, расскажи нам, – попросил Стрельцов.

– Знаю только то, что и все, – ответил я. – В 1951 его арестовали по приказу Сталина и осудили по «Делу врачей». Били жестоко, но он никого не сдал и не оговорил, благодаря чему, как считают, он спас жизни многих врачей, при этом сам стал инвалидом.

Мои собеседники смотрели на меня и ждали продолжения рассказа.

– Его держали в тюрьме вместе с женой и двухмесячным сыном. Абакумова содержали в холодильной камере, закованном в кандалы в течение нескольких месяцев. У его жены от страха молоко пропало сразу, и она перестала кормить ребенка грудью. Удивительно, но ребенок выжил, даже стал впоследствии доктором медицинских наук, правда, под фамилией своей матери Смирновой. Отцовскую фамилию ему не разрешили носить.

– А из какого источника эти данные, – полюбопытствовал Поваренкин.

– Мы знаем об этом только со слов Павла Судоплатова, который сидел вместе с ним. После смерти Сталина дело перекалвалифицировали в «Ленинградское дело», и его естествен-

но, перевезли в Ленинград. Тоже били, но уже по указанию Хрущева. Результат был тот же – этот русский мужик не выдал ни одного человека. Жену с сыном выпустили из тюрьмы только за несколько дней до его расстрела на Левашовской пустоши.

– Выходит, вот здесь, на кладбище в Ракитках и встрети-
лась вся семья, – сказал Стрельцов.

– Да, – ответил я. – Останки Абакумова привезли из Ленинграда совсем недавно, когда расстрельную статью снова переквалифицировали в другую, заменив сроком тюрьмы в 25 лет.

– Зачем, его же уже расстреляли, – искренне удивился Стрельцов.

– Иначе бы не привезли, – ответил я. – И награды и имущество не вернули бы, и не встретился бы он со своими.

– Выходит, и Костя наш скоро повстречается со своей матерью, – сказал Иван Дмитриевич задумчиво и, отвернувшись, заплакал.

Вытерев слезы, он сказал, словно разговаривал сам с собой:

– Ну не предусмотрен за Костины заслуги орден, всю свою жизнь футболу посвятил, всё хотел сделать сам, поэтому и за здоровьем своим ему некогда было следить. Ни перед кем кепку не ломал и боялся только Бога. Молился ему истово в своем храме.

Зазвучала музыка, и многолюдная траурная процессия

стала медленно продвигаться мимо пятого участка.

Сколько он все-таки стоит, тренер сборной?

«Вы мне говорите, что я человек не оригинальный... без особых талантов и обыкновенный. Нажив деньги, знайте, я буду человек в высшей степени оригинальный.»
Ф. М. Достоевский «Идиот».

«Париж, мы любим тебя!» – весело скандировали в аэропорту «Руасси» наши болельщики, прибывающие на Евро-2016 шумными компаниями. Кто из русских не мечтал побывать здесь! Что ж, Париж – мечта миллионов. Смешавшись с толпой других, таких же отвязных и счастливых, наши рассчитывали задержаться во Франции как можно дольше, и если надо, потратить последние сбережения, лишь бы быть поближе к своей сборной.

Когда-то давным-давно наших болельщиков сюда просто не пускали, но именно в Париже мы первыми из всех европейцев стали чемпионами. И пусть нашу сборную здесь не видели ни в 84-м, ни в 98-м на «Мундиале», мы за это ни на кого не сердились. «La Russie ne boude pas, elle se recueille», – говорил великий российский канцлер Горчаков, что означало: «Россия не сердится, она сосредотачивается», и мы были с ним как никогда согласны. Наконец мы добились права за-

явить о себе, к тому же сборная прибыла сюда вместе с доморощенным тренером, вернувшимся на положенное место после десятилетнего перерыва.

И все как будто начиналось для наших совсем неплохо. Мы не дали задиристым и самоуверенным англосаксам обыграть нас в первом матче своей вполне проходной группы. Мы сумели в последний момент уйти от поражения, забив им в ответ в их же излюбленной манере головой сумасшедший по красоте и исполнению гол, сразу заставив говорить о России всю Европу. Казалось бы, вот он – знак судьбы. Фортуна, слава Богу, повернулась к нам нужным местом, и мы сразу поверили в свои силы. Вместе с нами поверила в это и ВГТРК, которая, предчувствуя скорую викторию, а вместе с ней и оглушительный болельщицкий фурор, поспешила организовать совместный просмотр матча Россия – Словакия нашими известными футбольными экспертами и прославленными в прошлом игроками сборной страны в своей передаче «Прямой эфир». Однако всё пошло сразу как-то не так. Ведущий программы Борис Корчевников, разочарованный результатом первого тайма, не терял присутствия духа. Желая придать царившему в студии хаосу мало-мальски управляемый характер, он сразу передал микрофон почему-то именно мне, то ли потому, что я оказался к нему ближе других, то ли оттого, что говорить о нашем футболе, собственно, было уже нечего.

Хоть и проиграли мы эту игру со счетом 2: 1, у нас в запасе

оставалась еще игра с Уэльсом, и все, сидящие в студии, сразу, как сговорившись, согласились, что победа над этой, не самой сильной командой в нашей группе, неизбежно выведет Россию в следующий, такой желанный, этап соревнования. К тому же на эфире присутствовал, скромно сидя неподалеку от меня, сам футболист Евсеев, он – то, пожалуй, знал, как забивать этой капризной команде. Но Вадим в тот день, то ли боясь повторить в эфире те же бранные слова, которые он уже произносил, забивая свой памятный гол в ворота сборной Уэльса, приведя кого в шок, а кого в восторг, но теперь запрещенные к употреблению в СМИ, то ли еще почему, предпочел на сей раз многозначительно промолчать. Не знаю, может, все-таки предчувствие чего-то недоброго породило в душе опытного футболиста сомнение? Но никто во время того эфира не хотел разделять его опасений. В конце концов, это не патриотично – терять веру в свою команду в такой момент. Иначе зачем, спрашивается, наши болельщики лупцевали на улицах Франции этих англосаксов?

В день игры нашей сборной с командой, представляющей трех миллионный Уэльс, канал «Матч ТВ», раскрашенный в яркие цвета российского триколора, пытался зажечь своих понурых болельщиков оптимистичным прогнозом. Возбужденные ведущие программы в элегантных галстуках, стоя на пленэре в самом сердце Парижа, с Эйфелевой башней за спиной, призывали всех россиян смотреть эту судьбоносную игру, поскольку такое зрелище, по их экспертному мнению,

пропустить было просто преступно. Однако уже тогда в натянутой полуулыбке Валерия Карпина проглядывало выражение лица несчастного мальчика из фильма Элема Климова «Иди и смотри». Мы все, повинувшись призыву, прильнули к экранам, но что-то снова не заладилось с госпожой Удачей...

«... Скучным и некрасивым
Нам кажется ваш Париж.
Россия моя, Россия,
Зачем так ярко горишь?»

Вряд ли помнил эти замечательные строки Цветаевой всезнающий Карпин, но в его «широко закрытых» глазах Россия горела именно так. Мы на удивление всем болельщикам как-то сразу легко умудрились пропустить три безответных мяча, и то, только потому, что Акинфеев сыграл неплохо.

Вскоре после этого, злосчастного для всех нас матча, футболисты сборной сами, без приглашения, пришли в гостиничный номер огорченного позорным результатом Слуцкого и единодушно признались: «Мы говно...». Леонид Викторович тоже понял, чем пахнет, и попросился у Мутко в отставку... Быстро разлетелись наши герои кто куда догуливать недогулянное подальше от глаз завидующих: кто-то на далекие острова, а те, кто поскромнее, остались в Монако громко отметить долгожданный отдых.

Может быть, адекватная оценка своих достижений в некоторой степени заслуживала уважения, но это совсем не отве-

чало на главный вопрос: что же все-таки делать? Похоже, в тот момент ответ знал только Мутко. Во всяком случае, его выразительные круглые черные глаза красноречиво говорили по – английски всем злопыхателям, собравшимся в фойе гостиницы и окружившим его с микрофонами: «Донт вари». А что? Лично его карьера шла только в гору, и казалось, что с этими дотошными журналистами уже разговаривал ни кто иной, как будущий вице – премьер Правительства страны.

...Но тогда, жарким вечером 15-го июня, сразу после матча со Словакией, мы об этом ещё просто не догадывались и мало, кто из нас заморачивался этой неприглядной перспективой, наивно примеряя на себя розовые очки, чтобы гордо смотреть в будущее. После того эфира мы все стояли толпой у выхода с киностудии им. Горького в ожидании, когда нам подадут обещанные разъездные авто. Я любезничал с вдовой знаменитого в прошлом Валентина Козьмича Иванова, а Лидия Гавриловна, сама в прошлом прославленная олимпийская чемпионка, в ответ благодарила меня за добрые слова, сказанные в передаче о ее муже, чемпионе Европы 1960 года во Франции. Потом я долго прощался с Кончельскисом и Мостовым, а шофер новенького фольксвагена, прибывший за мной, давил на клаксон, заставляя поторапливаться. Валерий Газзаев, подойдя ко мне сзади, тихо спросил:

– Володя, тебе куда ехать?

– В Крылатское, – ответил я.

– Через центр поедешь?

– Наверное, – пожал я плечами.

– Тогда подбрось Евгения Серафимовича, а то его жена где-то застряла в пробке и ему не на чем ехать, – сказал Валерий Георгиевич и окликнул Ловчева.

Ловчев был в хорошем расположении духа, несмотря на поражение сборной, и, глядя мне в глаза, с усмешкой в голосе изрек:

– И кто теперь из тренеров отважится работать с этой сборной. Кажется, уже всех перепробовали. Один получал пять, другой – стараниями Мутко целых семь миллионов, а третий наоборот, как будто ничего не просил у РФС, лишь бы не возражали против совмещения с работой в «ЦСКА». А результат у всех оказался одинаковым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.